
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

---

*Памяти
немецкого историка русской литературы XX века,
первого Почётного доктора литературы
Литературного института,
профессора
ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА
(Wolfgang Kasack)
20 января 1927 — 10 января 2003*

УДК 82-94

М. В. ЗОРКАЯ*

ВОЛЬФГАНГ КАЗАК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Воспоминания о сотрудничестве Литературного института с Институтом славистики Кёльнского университета (ФРГ), начатому и развивавшемуся при решающем участии выдающегося немецкого слависта Вольфганга Казака (1927–2003), первого Почётного доктора литературы Литературного института имени А. М. Горького.

Ключевые слова: Вольфганг Казак, Литературный институт, Институт славистики Кёльнского университета, С. Н. Есин, Е. Ю. Сидоров, «Лексикон русской литературы XX века».

Пока Сергей Николаевич Есин был ректором Литинститута (1992–2005), стену в его приёмной почти десять лет украшал портрет Вольфганга Казака. Академическая квадратная шапочка, величественная, ниспадающая складками чёрная мантия, благородная седая шевелюра, вдумчивый взгляд — классический профессор из Европы. Фотография была сделана 16 сентября 1996 года, когда в Литинституте состоялась торжественная церемония в связи с присуждением Казаку степени Почётного доктора литературы.

Вольфганг Казак тогда уже не руководил Институтом славистики Кёльнского университета, по строгим немецким правилам отойдя от прямых директорских обязанностей в 65 лет, то есть в тот самый год, когда Есин был избран ректором. На излёте административной карьеры у одного, на взлёте — у другого, Казак и Есин ещё успели встретиться как два руководителя учебных заведений, между которыми к тому времени существовал научный и студенческий обмен.

---

* Мария Владимировна Зоркая (Жданова) — переводчик, литературовед, профессор кафедры художественного перевода, руководитель семинара перевода с немецкого языка Литературного института имени А. М. Горького; xydperevod@litinstitut.ru

Есин записал в дневнике 1992 года: «7 декабря, понедельник. Кёльн. Вылетел с Н. А. Красиковым к Казаку. Машину отменили, билет оплатили немцы. Визит в институт славистики. Немцы очень заинтересованы в контактах с Литинститутом. В 16.00 беседа с ректором университета Кёнигом. Филологические вопросы. Постепенное размагничивание Казака...» [1, 256].

Кёльнский университет, Институт славистики и Вольфганг Казак достались Есину по наследству из конца 1980-х. Тогда Нина Сергеевна Павлова, крупнейший отечественный германист, которая ранее по приглашению нашей кафедры зарубежной литературы руководила диссертацией одной аспирантки, а ныне автора этих строк, обратилась к Казаку с просьбой: мол, пригласите «мою девочку» хоть на какую-нибудь стажировку, а то ведь обидно, что «специалист по немецкой литературе XX века никогда не видел Западной Германии». Теперь принято на все лады ругать те времена, но как бы оно ни было, а одного у них не отнимешь — масштабы решений. «Девочка-специалист — это хорошо, но весь Литинститут — это ещё лучше», — будто бы ответил Казак. Не прошло и нескольких месяцев, как Евгений Юрьевич Сидоров, ректор Литинститута (1987–1992), и Вольфганг Казак, директор Института славистики Кёльнского университета (1969–1992), встретившись в Европе на каком-то огромном международном форуме, подписали договор о научном и студенческом обмене между двумя учебными заведениями. И очень скоро в Кёльн на целый месяц выехала первая представительная делегация, состоявшая из двух преподавателей, одного аспиранта и трёх талантливых студентов. Потому что Казак распорядился выбирать: либо один человек на шесть месяцев, либо шесть человек на один месяц.

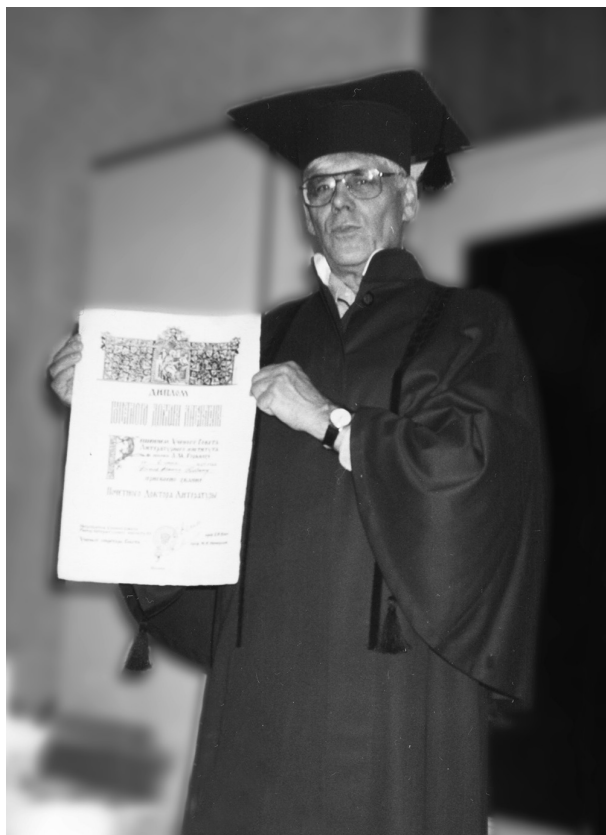
Тем не менее для Литинститута официальные отношения с Кёльном поначалу оказались как полезны, так и обременительны. С одной стороны — да, долгожданные поездки за рубеж, расширение кругозора и углубление знаний, всеобщее повышение квалификации. С другой стороны, на своей территории зарплату преподавателям и стипендию студентам платить было нечем, зато из Кёльна по договору всё прибывали гости.

Позже Есин записал в дневнике: «У нас сейчас лишь тринадцать студентов изучают немецкий язык, из них двое пятикурсников, которым ехать куда-либо уже поздно, а двое намечены к поездке в Германию. Мы решили сокращать обмен, он нам не выгоден, немцы шлют нам своих сериями по два месяца. Каждый раз встречи, общежитие, оформление. Здесь ещё и финансовый аспект: немцы эти поездки организуют за счёт государства, а мы — за счёт института, за счёт коммерческих средств, ибо других нет» (Запись от 1996, 16 сентября, понедельник) [1, 449].

Конечно, как сравнить возможности крошечного Литинститута, брошенного историей в перестроечные штормы, с огромной и могучей, с одной из древнейших (год основания — 1388) высших школ Европы — с Universität zu Köln? Но всё-таки в последнем пункте ректор Есин, болевший душой о «Школе Горького», заблуждался. «Государство» как таковое даже в Германии переломных лет, осознававшей свою историческую вину и поставившей на поток гуманитарную помощь России и другим республикам СССР в самых разных формах, совсем не готово было выкладывать немецкие марки ради приезда поэта с третьего курса Литинститута.

После торжеств
в Литинституте
почтение
Почётного доктора
Вольфганга Казака
продолжилось
на кухонных посиделках
у его московских друзей.

Фото Ларисы Мезенцевой

Суть в другом: профессор и директор Казак обладал фантастическим чутьём на финансовые средства, заложенные и ждущие достойного получателя в бесчисленных организациях, фондах, обществах, объединениях, комитетах, союзах, структурах, ведомствах и корпорациях. Дело не в суммах, чаще всего достаточно скромных, а в самом искусстве их добывать и отдавать. Вольфганг Казак обладал многими талантами, но этот, не упомянутый ни в одной из его биографий, поражал — в сочетании с академической шапочкой и учёной мантией — всякого, кто хотя бы на несколько дней оказывался по его приглашению в Кёльне и попадал то на обеды по каким-то визиткам, то на бесплатные трамвайные билеты, то на возврат каких-то процентов от неведомого чего... Потому-то Казак несколько не побоялся взвалить на себя обязательства по отношению к целому институту на Тверском бульваре, 25. А вот нам действительно посылать было некого до тех пор, пока кафедра художественного перевода не стала регулярно объявлять набор студентов в творческий семинар перевода с немецкого языка.

Теперь невозможно подсчитать, ибо обмен зародился в докомпьютерную эру, сколько людей приняли в нём участие. Но примерно — это три-четыре сотни, если исходить из того, что двадцать пять лет каждый год туда и сюда летали около двух десятков. А уж если взять в расчёт последующие частные приглашения, выросшие из официальных командировок, то число значительно увеличится. А если прибавить все встречи в других городах и на других территориях, все юбилеи, свадьбы и крестины — то число зашкаливает, хотя обмен носил чисто профессиональный и учебный характер. Кстати, количество

появившихся благодаря обмену публикаций вообще не поддаётся никакому измерению: это и опубликованные тезисы докладов, и статьи в журналах высшей школы, и научные монографии, и литературные переводы, и очерки, и рассказы, и даже романы. Как бы высокопарно это ни звучало, но наш обмен между Москвой и Кёльном — казалось бы, скромное и локальное явление — способствовал развитию культуры и взаимопониманию двух народов.

Вольфганга Казака к договору с Литературным институтом вела, можно считать, вся линия его судьбы. Как профессионал-славист он проявил себя ещё в 1950-е, будучи студентом и докторантом в Гейдельберге и Гёттингене. Как профессионал официальных германо-российских связей он тоже проявлял себя с молодости, в трудные времена приняв деятельное участие в работе над Соглашением о культурном сотрудничестве между ФРГ и СССР (1960), а далее впервые организовав обмен для учёных обеих стран, которым занимался вплоть до 1968 года, пока ему не запретили въезд на нашу территорию. Сотнями исчисляются его опубликованные переводы русских писателей на немецкий язык, его статьи, предисловия, послесловия, обзоры, рецензии, эссе, посвящённые русской литературе XIX и XX веков.

«Вообще Казак считал своей задачей не ограничивать деятельность узкими пределами науки и осуществлял это, в частности, разнообразными докладами, выступлениями по радио, а особенно своими переводами, — пишет профессор Франк Гёблер, когда-то ученик и ассистент Казака, теперь руководитель Института славистики Майнцкого университета. — <...> Для метода работы и всей активной деятельности Казака характерно было его постоянное стремление способствовать диалогу между Востоком и Западом в литературной сфере, одновременно предоставляя возможность сотрудникам и студентам Института славистики вживе узнавать русскую литературу. Он приглашал на чтения, доклады, симпозиумы писателей и критиков, организовывал для них встречи в других университетах и институтах. С особой интенсивностью он использовал политические переломы конца восьмидесятых годов, усаживая за один стол гостей из Советского Союза и эмигрантов, объединяя в плодотворных диалогах писателей разной политической окраски» [3, 133–134].

Эта позиция определила суть и новаторство наиболее фундаментального и известного его труда, а именно — Словаря русской литературы, который под разными названиями и на разных языках издавался в Европе шесть раз, но в Советском Союзе входил в список запрещённых книг. Седьмое, расширенное и переработанное, издание под именем «Лексикона русской литературы XX века» появилось у нас в 1996 году. В его состав входит 855 статей, в том числе 747 биографических.

«Выбор писателей, включённых в словник, подчинён прежде всего не столько литературному значению их творчества, сколько информационным запросам того, кто прибегнет к помощи данной книги, — пишет в предисловии Казак. — Это означает, что в Лексикон вошли не только те авторы, кого, по моему мнению <...> можно считать “настоящими писателями”, но и те, которым в существовавшей ранее официальной советской шкале было отведено лишь политически обоснованное “выдающееся” место» [2, IX].

Пренебрегая академической традицией изучения вершин и шедевров, Казак представляет русскую литературу после 1917 года как живой и много-сложный процесс, как панораму, составленную из писателей и книг, которые

издавали или запрещали, читали или уничтожали, изучали или замалчивали, рекомендовали или вычёркивали из списков. Это русская классика XX века, советский официоз, эмигранты всех трёх волн, авторы бестселлеров и тоненьких поэтических сборников, трудяги «самиздата» и смельчаки «тамиздата» — словом, это русская литература, какой она была в прошлом столетии.

Так вот, Казак — с присущей ему пронизательностью и знаниями — прекрасно понимал и то, что эта литература в значительной своей части представлена именно Литинститутом, и то, что Литинститут отражал и отражает происходящие в ней процессы. Литинститут с его внешним консерватизмом и внутренней свободой, с его бесчисленным разнообразием позиций учителей и учеников, подтверждал самим фактом своего бытия казакскую концепцию литературного процесса.

Небезынтересна в этом смысле и коллизия Казак — Есин, ведь они оказались настоящими идеологическими противниками.

Вот продолжение дневниковой записи Есина от 7 декабря 1992 года:

«В 17.00 встреча в институте. Казак задавал мне вопросы. Все они заражены дешёвым антирусизмом (антисоветизмом), начал цепляться, получил по сусалам... Вопрос об общественных науках и госпрограммах. Эти вопросы он привёз ещё из Москвы от своих знакомых. Я отбил и взял инициативу в свои руки» [1, 256].

Вот запись от 12 декабря, когда Есин ездил в Мух (округ Кёльн), где проживал Казак: «Был прекрасный торт и кофе. Поговорили, побранились, уехали» [1, 257]. А вот через четыре года, прямо перед памятной церемонией в сентябре 1996-го: «Сегодня в два часа я с ним обедаю. Постараюсь высказать ему как можно больше, даже не относящееся к нему, а только к моей политической досаде» [1, 449].

В дневнике Есин не уставал сердиться, но в ректорском его шкафу висела для гостя «мантя производства Вячеслава Зайцева» и лежала «ручной работы на тряпичной с водяными знаками бумаге», «в центре реплика с одной из иллюстраций “Апостола”», с «роскошным шрифтом и буквицами» грамота Почётного доктора литературы Вольфганга Казака, своей деятельностью обогатившего историю Литинститута на рубеже XX–XXI веков многими яркими страницами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Есин Сергей*. Дневник. 1984–1996. М.: Академика, 2015. 541 с.
2. *Казак Вольфганг*. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 494 с.
3. *Göbler Frank*. Die Ära Kasack (1969–1992) // Die gelbe Villa im Weyertal. Sechzig Jahre Slavisches Institut der Universität zu Köln (1953–2013). 2014. S. 133–134.

REFERENCES

1. *Esin S*. Dnevnik [Diary]. 1984–1996. M.: Akademika, 2015. 541 s.
2. *Kazak V*. Leksikon ruskoj literatury XX veka [Lexicon of Russian literature in the XX century]. M.: RIK «Kul'tura», 1996. 494 s.
3. *Göbler F*. Die Ära Kasack (1969–1992) // Die gelbe Villa im Weyertal. Sechzig Jahre Slavisches Institut der Universität zu Köln (1953–2013). 2014. S. 133–134.